

Глава 1

БУДНИ, ПЕРЕХОДЯЩИЕ В ТРАГЕДИЮ

Я мрачно пыталась есть. Нет, вообще-то я люблю покушать. Уж с чем, с чем, а с аппетитом у меня проблем не имеется. Особенно здесь, на новом месте службы. «Отель потерянных душ» кормил на сто звезд по ранжированию Мишлена. И если на Земле три звезды — это уже заведение, достойное путешествия в другую страну, то уровень кухни моего волшебного работодателя заслуживает как минимум потери души.

А уж обслуживание в номерах — так это не пять звёзд, а вся тысяча.

Сейчас же я страдала.

— Агáта, ну же! — подбодрила меня Лёслия. — Всё получится. Не сразу, конечно, — добавила, оценив мой скептический взгляд.

— Но ты уж признайся, — прижав плотнее толстый брусочек дерева локтем к боку, я ткнула в её сторону вилкой. — Ты жульничала, когда обучалась этикету.

— А как ты узнала? — хлопнула она ресницами и тут же добавила: — А, ну да. Ты же про меня всё знаешь.

— Не всё! — подвигалась я на стуле и сильнее прижала специально заказанные у отеля деревянные штучковины. Вместо книг.

Библиотека у нас маленькая, её содержимое надо беречь. Хотя я и не могу прочитать ни один из томиков. Но по гениальной идее Леслии я должна учиться ровно сидеть за столом и не оттопыривать локти, используя именно книги. Она ведь училась так.

Книга — это вообще мощная штука, доложу я вам. Ну, помимо того, что это свѣточ разума, кладѣзь информации, источник развлечения, вдохновения и всё такое. Ещё они — убийцы скуки. А при необходимости и просто убийцы. Я вот помню мамину Большую советскую энциклопедию. Ею можно убить и морально, и фигурально, и буквально. Дашь ею по голове, и: «Привет, ангелы. Я тут к вам внезапно вознеслась».

Возвращаясь же к моим мучениям... Книгами мы дорожили, посему заказали у отеля аналогичные по весу и объѣму деревянные кирпичики. Я ходила с ними по комнатам, водрузив на голову. Осанку тренировала. М-да. И есть за столом мне теперь приходилось с ними же, но прижимая локтями к бокам.

И вот я даже не знаю, кого я сильнее ненавидела за уроки этикета: себя за гениальную идею брать их у кронпринцессы сильфов или её за занудство и дотошность.

Аккуратно подцепив вилкой ветчину, я поднесла её к губам. Чуть склонила голову...

— Не наклоняться!

Шмяк!

Кусочек ветчины оказался у меня на коленях.

Я застонала, Леслия укоризненно вздохнула, Ориэль хихикнул, призрак волка прикрыл морду лапами.

Феликс сейчас отдыхал в своём гнезде. Его смена недавно закончилась, и наш ночной портье ушёл отсыпаться.

— Да как есть-то тогда?! — вспыхнула я.

Наша ветреная принцесса подняла глаза к потолку, посидела несколько мгновений, после чего прижала локти к телу, сидя с идеально прямой спиной, будто кол проглотила. Потом аккуратненько зачерпнула ложечкой кашу, поднесла её ко рту. Не наклоняя головы!

— Как-то так, — сообщила, проглотив и промокнув губы салфеткой.

— Может, у тебя руки длиннее, чем у меня? — с надеждой спросила я.

— Определённо — нет, — хихикнула она.

— Я умру с голоду, — печально констатировала я, попробовав повторить её хитрый трюк с застольным этикетом.

На коленях у меня стоял узкий поднос, на котором чего уже только не было...

— Ближайшие семьдесят пять лет — точно нет. Ты же сама говорила.

— А, ну да, — скисла я. — Господин смерть одарил чаевыми. Тогда я буду очень голодной и злой.

— Зато будешь оставаться стройной. Ты же сама сетовала, что слишком много ешь, не в силах сопротивляться тому, как вкусно нас кормит отель.

Призрак волка поднялся, потрусил ко мне и нагло ткнул носом меня в попу.

— Сейчас я тебе кусок эктоплазмы удалю. В области головы у тебя её много лишней, она мешает думать и понимать, что не стоит хватать девушек за филей, — опустив глаза, пообещала я.

Оскалившись в улыбке, этот кобелина встал на задние лапы и типа положил морду на край стола. Так-то он оставался неосязаемым, но пантомимой владел в совершенстве.

— Агата, сосредоточься, — попросила Леслия и принялась завтракать. — А то всё уже остыло.

Я издала горловой звук, похожий на рык. Всё же плохая была идея — брать уроки этикета у настоящей кронпринцессы, да ещё и сильфиды. Она-то это постигала с пелёнок. А я всего неделю. И близка к тому, чтобы психануть, признать своё несовершенство и неспособность к обучению.

Неделя у нас выдалась на удивление тихая. Меня никуда не тянуло, не возникало желания срочно бежать к входной двери отеля и кого-то где-то находить. Вероятно, потерянных душ пока не было.

Если не считать тех двух, что уже являлись постояльцами отеля. Призрачный волк, который то ли привидение, то ли непонятная сущность, то ли заколдованный блудливый тип неизвестной расы, то ли вообще неясно кто. Временами он ста-

новился осязаемым и крайне тяжёлым. И люто огорчился, когда эти краткие периоды заканчивались и он снова превращался в эктоплазму.

И наследная принцесса сильфида, которая потеряла память и медленно пыталась восстановить свою личность. Сама она ничего не помнила. Все знания к ней возвращались лишь благодаря моим способностям принимать информацию из эфира.

Выглядело сие, конечно, странно для непосвящённых.

Леслия потеряла не только память, она полностью лишилась всей своей личности. Её будто стёрли. И пусть вампирша из того мира, где мы подобрали потерянную душу сильфиды, сняла с девушки проклятие и частично восстановила навыки и повседневные бытовые умения, Леслия являлась всё ещё даже не потерянной, а неполноценной.

И я будто складывала её из кусочков той информации, что принимала из эфира. Принимала и проводила дальше. Причём всё было стихийно и неосознанно.

Вот, например, с этими уроками этикета. С первым вышла заминка. Я пригласила девушку в свои апартаменты и сказала, что готова. Внимаю.

— А что я должна показать? — сложив перед собой руки, спросила она.

— Как правильно ходить. Давай с этого начнём.

— А ты ходишь неправильно? — озадачилась Леслия. — А как я хожу?

— Ну вот смотри. — Я прошлась перед ней туда-сюда. — Видишь?

— Вижу. Что-то не так. Скажи мне, Агата, что не так?

Я закатила глаза. Ну и учительницу я себе выбрала!

— Ну ты же ходишь иначе. Пройдись!

Та выполнила мой приказ.

— Вот! Видишь?! — обрадовалась я и указала на её голову.

— Нет. Пока... — смутилась она и пощупала затылок и макушку.

— Волосы! Смотри, я иду, и у меня подпрыгивает хвост.

— Да, красиво. Как у лошади. Кто такие лошади? — тут же застыла она в недоумении.

— Непарнокопытные ездовые животные с гривой и хвостом. Не отвлекайся. А ты идёшь, и у тебя волосы не шевелятся, они струятся, словно приклеенные. Как тебе это удаётся?

Волосы у неё действительно совсем не развевались, хотя были недлинными после того, как потяряшка оплатила постой в отеле своей отрезанной косой. Но её каре отрастало очень быстро, за неделю уже сантиметров на десять удлинилось.

— Как же я это делаю? — пробормотала она и начала ходить взад-вперёд.

— Книги понадобятся, да? — провожая её взглядом, спросила я.

— Книги! Точно! Я ходила с книгами.

— Но ты учти, такого толстого талмуда по магии воздушной стихии в двух томах, как у твоего отца, у меня нет, — сообщила я.

Леслия сбилась с шага, и мы вытаращились друг на друга.

— Ну вот как?! Как ты это делаешь?!

— Ты мне скажи! Как я это делаю? — фыркнула я. — А что хоть было-то в этих томах? Все заклинания помнишь? Меня крайне интересует то, что устраивает сквозняк в закрытом помещении. Правда, у нас несколько нарушено условие с хотя бы одним источником извне...

Леслия страдальчески застонала и возвела глаза к потолку. Я сбилась с речи и тоже возвела туда же, но уже свои глаза.

Мы постояли, переживая эмоции. Она — то, что не может ничего вспомнить о своём прошлом, и это бесит. Я — то, что узнаю всё про всех, но стихийно и непонятно. И это тоже невероятно раздражает.

Книгу мы нашли в библиотеке на первом этаже. Да, толстую. Вот с ней я и ходила пару дней. Ну, точнее, как... Роняла я её через каждые несколько шагов. Бедный томик чего-то... Без картинок и для меня нечитабельный.

Когда дошла очередь до застольного этикета, выяснилось, что нам нужны ещё книги, но держать их придётся под мышками. Тогда я и заказала люстры в холле подходящего объёма и веса кирпичики из дерева. А ещё много разных столовых приборов. Нет, я не знала, какие именно нужны

и как они выглядят. Но принимала информацию из эфира, сидя со скептическим и страдальческим выражением лица.

— Леслия, сколько нужно приборов? Вилки три или шесть?

— Шесть, — подумав, ответила она.

— А ножей?

— Пусть тоже будет шесть. Наверное, я умею ими пользоваться. Ты мне расскажешь, Агата.

Ориэль поворачивал голову от меня к ней и обратно, слушая наш диалог, и хихикал. Ему казался смешным мой стремительно развивающийся дар проводницы эфира и то, что я стала так непринуждённо принимать информацию. Принимать! Не пользоваться!

Наградив маленького зелёного негодника укоризненным взглядом, я продолжила:

— Ложек сколько брать? Восемь хватит?

— Определённо! Ветры всемогущие! Зачем нужно восемь ложек? Что с ними делать?!

— Это ты мне покажи, — съехидничала я. — Отель, будь добр, пожалуйста. Организуй нам столовое серебро. Все эти комплекты приборов на три персоны пока что.

Ориэль, осознав, что он — третий, подавился хихиканьем. Феликс курлыкнул, поморгал и флегматично произнёс:

— Хорошо не я гуманоид. Есть и пальцами филиуры могут.

— Гуманоиды тоже могут есть пальцами, Феликс, — улыбнулась я. — Проблема в том, что это

слишком просто. А мы не ищем лёгких путей. Лесли, а сколько заказывать фужеров, рюмок, стаканов и бокалов? И твой любимый для жидкого кислорода брат?

— Их тоже много разных?! — вытаращилась она. — У меня есть любимый для жидкого кислорода?!

— Определённо, говорит раз Агата... — невозмутимо подтвердил Феликс.

Мы с Ориэлем переглянулись, я пожала плечами.

— Отель, будь любезен, угости Леслию её обожаемым жидким кислородом в бокале той формы, что ей больше всего нравится. Такая изогнутая пузатая фиговина с носиком, типа ретóрты.

Спустя минуту мы все, включая безмолвного, но весьма темпераментного призрака, со смешанными эмоциями наблюдали за тем, как сиффида пьёт жидкий кислород. Вот даже знать не хочу, как это возможно и почему ей вкусно.

— Как же я скучала по этому напитку, — довольно выдала она и снова отпила из узкого тонкого носика с клапаном хитрой системы, насколько я поняла.

Вот как-то так мы и провели эту неделю затишья.

Стоя в душе с закрытыми глазами, я медитировала. Откуда бралась вода, куда утекала и что с ней потом становилось, мне было неизвестно. Но мы не экономили. Даже если тут какая-то замкнутая система и вода циркулирует, то всё равно она магически очищается.

Вот и стояла я обычно под душем подолгу, мне нравилось это больше, чем лежать в ванне. Думы хорошо думались под массаж струями воды.

В данный же момент я находилась в состоянии не то размышления, не то погружения в себя, не то плавания в загадочном эфире, откуда черпала информацию опять же загадочным образом.

Новых потерянных душ мы не находили уже более семи дней, но те две, что в данный момент гостевали, нуждались в моей помощи проводницы эфира.

С сильфидой всё более-менее понятно. Новые сведения о ней приходили ко мне регулярно. Имя, раса, происхождение, способности к стихии воздуха, вкусовые пристрастия, некие навыки... Я непринуждённо выдёргивала это из общего информационного поля и сообщала потерявшей память и личность девушке.

А вот со вторым постояльцем, про которого я временно позабыла, дела шли хуже. Точнее, забыть наглого, ехидного, беспардонного волчару, везде сующего свой призрачный нос, не удавалось никому. Из него буквально хлестали дружелюбие, общительность, нежелание следовать каким-либо правилам. Он был вездесущим. Где бы я ни оказывалась на территории отеля, непременно тут же возникал он.

Порой появлялось ощущение, что он меня преследует. И материальность его регулярно менялась. То неосязаемая туманная дымка, как у обычного привидения. То вполне реальная плоть из мяса, костей и шерсти. То сгусток эктоплазмы.

Что с ним не так, никто из нас не мог понять. Его длинное сложное имя пришло ко мне почти сразу. Но дальше дело не продвигалось. Кто он, что он, почему такой, где его двуногое гуманоидное тело, если оно есть... Множество вопросов, ни одного ответа. Даже у меня.

Шум воды, бьющей из душевой лейки, изменился, и это заставило меня распахнуть глаза. Открыла я их и нос к носу столкнулась с этой самой прозрачной волчьей мордой, торчащей прямо из стены. Это кобелиное животное весело скалилось и рассматривало меня.

— Этьён Рауль Эрнэст Дюфó!!! — заорала я, вне себя от ярости. — Ах ты ж сволочь блудливая!

Волчья башка немедленно втянулась обратно в стену, а за дверью раздался скрежет и цокот когтей по полу.

— А ну стой, мерзавец!

Быстро выключив воду, я выскочила из душа, схватила полотенце, лежащее на полочке, и рванула догонять бессовестного вуайериста.

Нет, ну я просто в шоке. Подглядывать за мной в ванной?! Серьёзно?! И как часто такое уже случилось, просто я не замечала? И когда ещё он за мной подсматривал?

— Стой! — Скользя мокрыми босыми пятками по полу, я мчалась за улепётывающим со всех лап волком.

И судя по тому, что драпал он по-настоящему, его тело внезапно снова стало осязаемым, и, как

следствие, втянуться в стену он не мог. Отлично, сейчас я кому-то наглый хвост накручу.

Давно я так не злилась. Это уже ни в какие ворота не лезет: подглядывать за девушкой в душе!

— А ну стой, Рауль поганый!

Мы уже были в гостиной, оставались считанные метры до входной двери, ведущей на лестницу в холле. И тут я зацепилась мизинцем за угол дивана, пискнув от боли, попрыгала по инерции вперёд ещё немного, но уже на одной ноге. Поскользнулась, всплеснула руками и с размаха упала навзничь. Очень неудачно врезавшись во что-то головой.

Сначала были тьма и ничто. Потом стали появляться далёкие огни. Некоторые из них вспыхивали сразу и ярко, другие разгорались постепенно и неторопливо. Вселенная не могла решить, какой же способ создания чего-то из ничего лучше.

А я стала частью всего этого. Я знала всё о каждом из огоньков. Вернее, могла узнать всё о каждом из них, если бы захотела. Стоило мне остановить своё внимание на какой-то из искр, и ко мне поступала информация о ней. Что за мир, как его называют аборигены и какое имя дали соседи по Галактике. Некоторые миры были сильные, жадные до жизни, яркие и сочные. Другие же то ли умирали, то ли ещё не начали жить полноценно. Если бы я захотела, то узнала бы. Но меня это не интересовало.

Я медленно поворачивалась, окидывая взором всё сущее. И это «всё» источало, испускало, транслировало бесконечные потоки информации. Све-

дения обо всём были буквально разлиты в этом чёрном ничто.

Можно было потянуть за тонкую паутинку, последовать за ней и узнать что угодно.

А ещё это нечто, находящееся в ничто, очень хотело с кем-то всей этой информацией обменяться. Вот уж никогда бы не подумала, что Вселенная — такая сплетница.

От неё буквально шёл полный энтузиазма и восторга призыв: *«Ну же, смотри, сколько я всего знаю! Я тебе всё расскажу! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Давай я тебе по секрету разболтаю последние новости? У меня столько всего интересного, мне хочется с кем-то об этом поговорить».*

Беда была в том, что человеческое сознание не способно объять необъятное. Несмотря на дружелюбие и полную позитива жажду Вселенной поделиться всем этим бесценным сокровищем — информацией, я не могла впитать это. Пропустить через себя — да, но не впитать.

Пока что мне каким-то образом удавалось выдёргивать необходимые факты из эфира дозированно, строго в нужное время и относительно конкретных существ. Сейчас же я начала захлёбываться. А сил сопротивляться входящему потоку не хватало, я не могла закрыться.

Осознание себя как живого материального человека появилось не сразу.

Давно мне не было так плохо. Точнее, *настолько* ужасно я себя чувствовала лишь единожды. Когда

мы с друзьями-одногоруппниками нажрались в хлам и в дрова в самом начале учёбы, отмечая первую удачно сданную сессию. Мы были юными, бестолковыми, никто из нас не умел пить. Зато энтузиазма и радости в нас имелось с избытком.

Впечатлений нам хватило надолго. Полночи нас потом по очереди тошнило. А весь следующий день мы мучились жесточайшим похмельем. Когда настолько плохо, что ты не то что пошевелиться, а даже глазные яблоки не можешь под закрытыми веками повернуть. Подать голос вообще невозможно. Как мы не сдохли тогда от алкогольного отравления — большой вопрос.

В своё оправдание скажу, что больше со мной подобного никогда не случалось. Я научилась употреблять спиртные напитки. И хотя, конечно же, случалось напиваться и даже испытывать все прелести похмелья, но не столь чудовищно, как в тот, первый раз.

Глава 2

ВЫЖИТЬ И ОСОЗНАТЬ СВОЮ СМЕРТНОСТЬ

Чувства возвращались частями.

Сначала осознала, что я где-то лежу. Правой ладони касается что-то прохладное. Лицо прикрыто чем-то лёгким и холодным.

Попыталась пошевелиться, но дёрнулся лишь палец на руке. То прохладное, что касалось этой руки, тут же отстранилось, а моё ложе чуть прогнулось. Я на кровати?

Шорохи, цокот, лёгкие шаги, и нечто, прикрывающее моё лицо, исчезло. Сквозь смеженные веки пробился свет, заставив страдальчески выдохнуть. О! Я дышу! Какое счастье! Значит, не убились.

Ах да! Я ж не могу убиться ближайšie семьдесят пять лет. Память постепенно возвращалась, так же как и понимание действительности.

Открыть глаза оказалось сродни подвигу. Но я справилась, хотя и не сразу.

Нахожусь я в своей постели. Рядом стоит Ориэль и водит над моим телом ручками, сканируя нечто, понятное только ему. Чуть в стороне стоят Феликс и Леслия. У обоих встревоженный вид, они с на-

деждой следят за мимикой целителя, не замечая, что я открыла глаза.

Чуть сместила взгляд и наткнулась им на белого волка. Ах вот он! Виновник моего состояния. Сил на какую-то реакцию пока не было, так что я только смотрела в зелёные звериные глаза с совсем не звериным разумом за ними.

Этьен Рауль Эрнест Дюфо смущённо потупился, вздохнул. Неловко переступил передними лапами. Неужели у кого-то имеются остатки совести?

— Агата, ты как? — шёпотом спросил Ориэль.

Он закончил свои манипуляции и обратил внимание на меня. Хорошо, что в голос не заговорил. Даже шёпот отозвался в мозгу набатом.

Оставив в покое призрачного волка, я посмотрела в глаза цейлину и дважды выразительно моргнула.

— Я тебя полностью вылечил. И разбитую голову, и перелом пальца на ноге, — всё так же шёпотом принялся рассказывать он. — Физически ты абсолютно здорова. Но у тебя в какой-то момент были жуткие судороги. Мы не знали, чем они вызваны, никак не могли их прекратить. Поэтому мне пришлось тебя ввести в неподвижность. Что-то типа частичного стазиса. Ты сейчас как? Нет ощущения приближения судорог?

Я моргнула один раз, решив, что дважды будет — «да», а единожды — «нет». Надеюсь, Ориэль поймёт.

— Хорошо. Тогда я снимаю с тебя неподвижность. Голова болит?

Прислушавшись к себе, подала знак, что таки да, неплохо бы меня от этого избавить.

— Сейчас. Но сначала восстановлю тебе подвижность.

Так вот почему я практически не ощущала своего тела. Спустя несколько секунд вернулись чувства. А ещё через минуту прошла разрывающая мозг головная боль. Какое облегчение!

— Агата, как самочувствие твоё? — только тогда заговорил филиур и, цокая когтями по полу, подошёл к кровати. — Не знали, что случилось, мы. Упала ты зачем-то на пол. Разбита голова, и кровь была.

Я медленно подняла руку и ощупала череп. Под пальцами оказались слипшиеся коркой волосы. Хм. Делаю вывод, что я неслабо рассадилась себе скальп. Ещё понять бы обо что.

— Нас позвал волк, — подошла сильфида и зачем-то взяла за лапку Феликса. — Пришлось просить отель, чтобы он впустил нас на твою территорию. Мы ведь не знали, что у тебя не так. Волк не может говорить, но вёл себя так, что было понятно: случилось что-то плохое.

Я перевела взгляд на этого самого волка. Он опять испустил тяжёлый страдальческий вздох, повесил голову и вяло шевельнул хвостом. Поганец!

— Мы очень переживали за тебя, Агата, — погладил меня по плечу Ориэль. — Ты упала. Поскользнулась, да? Мы тебя нашли на полу в одном полотенце. Голова была разбита, нога сильно ушиблена, и сломан пальчик. И я быстро справился с этими повреждениями. Но потом что-то пошло не так.

— Ты никак не приходила в сознание. Судороги ещё... А мы не могли понять, чем тебе помочь.

И я, и Феликс пытались по-своему, нашей магией, но... — добавила Леслиа.

— Я провалилась в эфир, — с трудом ворочая языком, ответила им. — Можно попить?

На прикроватной тумбочке тут же появился стакан с водой, в которой плавала долька лимона. Отель позаботился.

Выпила. Помолчала и продолжила:

— Я ударилась головой и потеряла сознание. И вероятно, из-за невозможности контролировать свои способности проводницы эфира провалилась туда этим своим потерянным сознанием целиком. Это было... неприятно. Слишком много. Я не... И вот.

— То есть ты теперь всё о нас с волком знаешь? — подалась ко мне сильфида. — Ой, прости! — тут же осознала свою бестактность и отступила.

Я помолчала, осмысливая.

— Нет, не знаю. Каким-то образом я всё же сумела вырваться и не захлебнуться. Потому что принять все знания и историю множества миров и галактик невозможно. В моей голове нет столько места. — Я нервно хмыкнула. — Это был неприятный опыт, и, надеюсь, больше подобное не случится. Мне надо освоить умение вытаскивать из эфира нужные сведения по собственному желанию. Но пока...

Я села, свесила ноги с кровати и снова пощупала слипшиеся от крови волосы.

— Пойду-ка я приму ванну. Ориэль, можно, да?

— Да, конечно. Как я уже сказал, физически ты полностью здорова. Ничего ведь не болит?

— Да, всё хорошо.

Я потянулась, подцепила халат. Все присутствующие тут же отвернулись, давая мне возможность одеться и встать с кровати.

Облачившись, я позвала коллег и постояльцев:

— Ребята, спасибо за помощь.

Волк снова изобразил глубокое раскаяние, а остальные принялись меня уверять, мол, не за что благодарить.

— Встретимся позднее за обедом. Или ужином. Что там по плану? А сейчас я пойду приводить себя в порядок.

Сделав шаг по направлению к ванной, я приостановилась, выставила перед волком руку с воздетым указательным пальцем. Потом прищурилась и провела ребром ладони по горлу, намекая, что я с ним сделаю, если он ещё хоть раз...

Понял. Устыдился. Лёг на пол и прикрыл морду лапами.

— Вам пора, — с улыбкой намекнула я всем наблюдавшим за нашей пантомимой. Дураков здесь нет, так что догадаются, кто тут сильно накосячил и проштрафился.

Позднее, оставшись одна, я успела и полежать в ванне, и очухаться, и поплакать, и порефлексировать, и перебеситься, и окончательно всё осознать. Картина была нерадостная.

Начнём с того, что если бы не чаевые господина Смерти, то тут, в некоем волшебном месте, валялся бы мой хладный труп. Который Феликсу и Ориэ-

лю пришлось бы каким-то образом утилизировать. А вот, кстати!

Моряки отдают покойников морской пучине. Ну, раньше так было, сейчас не знаю. Нет у меня в знакомых мореплавателей и подводников. По той же логике, астронавты должны выпускать останки погибших товарищей в открытый космос. Где те становились бы застывшими ледяными космическими телами. И плавали бы среди звёзд, пока их не утянуло бы в какую-нибудь черную дыру.

Номер-космос у меня что-то не пользуется популярностью. Всё нет и нет никого из потерянных душ, чтобы жить там.

Так, я отвлеклась. Куда филиур и цейлин отправили бы моё тело? В белый туман? Не хочу туда! Там ничто!

А куда тогда?

Дома, на Земле, я говорила родителям, что хочу, чтобы меня кремировали после смерти. Был период, когда я перечитала фэнтези с некромантами в главных ролях, и мне совсем не улыбалось, чтобы какой-то маг смерти поднял меня и превратил в лича. На меньшее я вообще не была согласна. Я, Агата, и вдруг примитивный зомби: «Отдай мозги, я их сожру»? Нет, не мой вариант. Если бы меня поднял некромант, я со стопроцентной вероятностью стала бы очень продвинутой нежитью.

А я не хотела ею становиться.

На логику и странность моих рассуждений попрошу не обращать внимания. На нескромность тоже.

Сам факт. Так вот, я желала кремации. Чтобы — фиг вам, некроманты всех мастей, а не моё тельце. А во-вторых, язычество и многие иные религии, кроме христианства, подразумевают именно сжигание. В той же Индии, к примеру. Значит, что-то есть в этом особенное. Пусть бы энергия моего тела ушла в эфир, а не оставалась грустно и безнадежно в могиле.

Но одно дело весело обсуждать эти темы за рюмкой чая, чётко логически обосновывая свои бредовые идеи. А другое — труп в отеле.

На такое я не подписывалась.

В общем, думать думы я отправилась в свою «обсерваторию». Открыла нараспашку дверь в номер «космос», поздоровалась со звёздами, попросила у отеля кресло. И, подвигав его напротив распахнутой двери, устанавливая наиболее выигрышно, уселась расслабляться. Не могу передать, как это умиротворяет, когда ты просто смотришь на вот это всё бесконечное, вспыхивающее протоплазмой, вспышками сверхновых. Любуешься хвостами комет или метеоритным дождём.

В руке бокал лёгкого холодного алкогольного коктейля с трубочкой. На подлокотнике кресла блюдец с ягодами, отдалённо похожими по вкусу на клубнику, а внешне — не пойми на что: чёрные шарики в розовую точку.

Спустя примерно час меня там отыскал волк, послуживший причиной всех этих неприятных событий и моих долгих размышлений.

— Добрый вечер, — ровно обратилась я к нему. Я уже не злилась и не нервничала.

Призрачный постоялец замер, неловко потоптался на месте, не зная, чего от меня ждать. Потом подошёл к открытой двери и сел так, чтобы видеть меня, но можно было бы легко перевести взор туда, на звёзды.

— У меня было время осмыслить всё произошедшее, — заговорила я, наблюдая, как опустевший было бокал медленно сам собой наполняется. Магия — прикольная штука.

Волк тут же напрягся, вероятно думая, что я снова буду психовать.

— Во-первых, хочу принести извинения за своё поведение, — всё так же спокойно произнесла я, делая вид, будто не замечаю проступившее на звериной морде изумление. — Не стоило мне так бурно реагировать, кричать, ругаться и обзываться. Так нельзя, это недопустимо и непрофессионально. Это... нервное. Мне стыдно за своё поведение. Прошу меня простить за него.

Волчий хвост несколько раз дёргано подмёл пол.

— Во-вторых, я приношу извинения за то, что... Не знаю, как сформулировать. Я позабыла о наших с вами статусах, господин Дюфо. Я — управляющая отеля. Вы — его постоялец, оплативший своё пребывание. Вы не мой личный приятель или гость. Я вела себя панибратски, что также совершенно непозволительно. Надо соблюдать правила. Мы не близкие друзья, а... Ну, вы поняли. Обещаю, больше я такого не допущу. Буду соблюдать личные границы.

Судя по тому, как призрак вскочил и набычился, мои слова ему не понравились. Но тут уж извините. Я действительно была не права. А я, при всём своём вздорном и эмоциональном характере, умею признавать ошибки, извлекать из них уроки и делать правильные выводы.

— Со своей стороны я бы попросила вас также соблюдать эти границы, господин Дюфо. Мне пока неизвестно, из какого вы мира, какие там традиции, обычаи и правила. Но здесь некоторые из действий и поступков неприемлемы. Одно из них — подглядывание за другими обитателями отеля в их личных помещениях. Попрошу вас более не вламываться в чужие комнаты, а ограничиться своими апартаментами и общей территорией.

Волк вздохнул, снова уселся и с независимым видом уставился на звёзды.

— На этом у меня всё, — сообщила я и отпила коктейля. — Что же касается вашей проблемы с телом и осознанием себя... Я помню о своём обещании. Пока, к сожалению, ничего нового о вас я не почерпнула из эфира. Но как только это случится, сразу же сообщу.

Дальше мы сидели в тишине. Я сказала всё, что хотела. То, что обдумала, взвесила, оценила. Я и вправду вела себя недопустимо. Да, это существо — нечто непонятное. Но оно разумное. Будь Этьен Рауль Эрнест Дюфо в теле гуманоида, даже призрачном, я бы ведь не вела себя с ним так. Да я так себя не вела даже с крымьшем и жаблоидом.

В общем, не права! И всё тут.

О чём думал волк, который на самом деле не волк, я не знала. Может, для него всё происходящее и его поведение — это нормально. Но не для меня.

Границы! Все должны соблюдать границы!

— Агата? — прозвучал неожиданно голос сальфиды, и она сама показалась с той стороны коридора, где располагался её номер. Она жила в обычном, стандартном, с кроватью, ванной и шкапами.

Леслия быстро дошла до нас. Оценила меня в кресле. Я отсалютовала ей бокалом. Потом она, прищурившись, осмотрела волка. После чего взгляделась в космос. Тот ей подмигнул аж двумя весело вспыхнувшими звёздочками.

— Как красиво... — медленно проговорила девушка. — Я не знала, что здесь есть... такое. Почему вы мне не рассказали?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я иногда прихожу сюда и медитирую, люблюсь. Хорошо помогает осознать, насколько мы на самом деле малы́ и ничтожны.

— А кто туда?.. Это должны быть совершенно невероятные существа. Кто-то уже жил в этом номере?

— Нет, — покачала я головой. — Самой интересно. Но в то же время немного жутко. Кто это должен быть, даже не представляю. Не хватает не то что знаний, а даже воображения. Какие живые существа могут обитать в открытом космосе? Там же вакуум, холод и эти... Тёмная материя и тёмная антиматерия.

— Что это? — В голосе Леслии прозвучало живое любопытство.

Волк наострил уши, ему тоже явно интересно.

— Я сама толком не знаю. В моём родном мире изучение космоса на ещё слишком ничтожном уровне. Тёмная материя — это некая... гипотетическая субстанция как бы, которая не наблюдается при прямом изучении, а проявляется только при гравитационном взаимодействии. Но при этом именно тёмная материя занимает примерно одну четверть всей Вселенной.

— А оставшиеся три четверти? — ошарашенно спросила она.

— Почти три четверти — тёмная энергия. Но что это такое, я вообще не в курсе. И совсем немного — газ, космические тела и объекты. Но я очень грубо округляю, вы ж понимаете.

Леслия и волк переглянулись. Кажется, они ничего не уяснили из моих объяснений.

— Ничего не поняла! — озвучила сильфида мою мысль. — А тёмная антиматерия?

— С этим всё ещё сложнее и запутаннее. Существует теория Большого взрыва. Он как бы породил материю и антиматерию. Когда они встречаются, происходит аннигиляция. И тогда остаётся только чистая энергия.

— Что, прости, происходит? — в полном ступоре уточнила сильфида. Которая, так-то, — воплощённый дух воздуха.

— Аннигиляция. Взаимное уничтожение.

— Ветры всемогущие! Как страшно жить в твоём мире, — выдохнула принцесса. — У нас всё просто и понятно. Есть мы, духи стихий. Есть... кто-то еще. Кто у меня в мире ещё есть? — Она хлопнула ресницами.

— Да всё, — флегматично отозвалась я. А чего переживать? Ведь это так просто и понятно. Ага. Есть простые духи стихий. Это на Земле страшно... — Живность всякая, птички, жучки, червячки. Драконы вот водятся.

— О-о-о... Драконы? Хм. — Прикрыв глаза, Лесли помолчала. — Да, водятся. Они большие, сильные, красивые. Самовлюблённые.

— Да такие же, как вы, сильфы. Вы друг друга стоите.

— Да? — Мы снова помолчали. Призрачный волк только переводил взгляд с меня на Леслию и обратно.

— А аннигиляции у нас не бывает, — выдала девушка спустя паузу.

— Нет, не бывает. У вас магия. И тёмная материя у вас иная. И у меня иная. Ты знаешь ведь, что у меня в крови есть немного тьмы? Последствия неудачного общения с одним из постояльцев.

— Да, я чувствую это в тебе, — кивнула она.

Задумчиво присела на подлокотник моего кресла, машинально взяла мой бокал и отпила. Растеряла манеры кронпринцесса...

Я проследила за её движением взглядом, но ничего не стала говорить. Мне не жалко, отель ещё налёт. Но в принципе я и так же успела приговорить три или четыре порции, пока тут сидела. Устоять бы на ногах, когда встану.

Здесь же нас нашёл Ориэль. Шустрый целитель внимательно осмотрел нас. Взял меня за руку и без слов просканировал. Оценил бокал из-под коктейля, который допила Леслия, кажется, так и не осознав, что ограбила меня.

Потом цейлин некоторое время всматривался в притихшего Этьена. Потом в меня. В итоге выдал:

— Эх! — помолчал и осторожно предложил: — Может, пойдём ужинать? Сейчас Феликс придёт, скоро его смена.

И мы пошли.

Уже за столом заботливый зелёный барабашка обратился ко мне:

— Агата, ты грустная. Что-то не так?

— Не знаю, — подумав, ответила я. — Надо радоваться, что я не умерла после черепно-мозговой травмы... У меня ведь был проломлен череп, да, Ориэль?

Тот напрягся, поёжился, потёр ручки, но после всё же кивнул. Ему явно не хотелось в этом признаваться, чтобы никого не напугать, но я и сама догадалась. Не могло быть столько крови от обычного пореза на скальпе. И... не было бы в волосах мелких кусочков кости. Я их обнаружила, когда отмывалась.

Сильфида испуганно выдохнула. Призрачный волк, который сидел с нами за столом, но по понятным причинам не ел, понурился.

Больше я не возвращалась к теме своего падения и причинам, приведшим к нему. Ела, следя за осан-

кой, стараясь правильно двигаться. Но без деревянных брусков под мышками.

А придя в свои покои, я положила руку на стену и произнесла:

— Отель, а отель? Давай ты немножко над собой поколдуешь? Сделай, пожалуйста, свои стены, окна, двери и так далее непроницаемыми для призраков и всяких бестелесных существ. Не дело это, что наши постояльцы могут просачиваться через стены и сновать, где им вздумается. Сейчас это призрачный волк. А в будущем могут быть и нормальные привидения или дүхи. Нужно оставлять для них проницаемыми только те двери, что ведут в оплаченный ими номер и на улицу.

В ответ я почувствовала каким-то даже не шестым, а десятым чувством, что меня услышали, поняли и поддержат. Хорошо.

Погладив стену, я отправилась спать.

Глава 3

ЗДЕСЬ ШЛА ВОЙНА

Той ночью мне снились странные сны. Действительно странные. Хотя куда уж ещё необычнее, чем вся моя жизнь в последнее время.

Я с кем-то разговаривала. Но с кем? У меня что-то просили, но я отказывала. В чём? Потом я с неохотой согласилась на что-то. На что? Но с условием. С каким?

Полная чушь, если рассуждать здраво. Но мы-то знаем, что в этом месте логика и разум не работают. А значит, я кому-то что-то пообещала, но с каким-то условием.

Офигенно!

Ещё день я пребывала в меланхолии. Мало выходила из своих апартаментов, чувствуя себя защищённой только там. Ровно до момента, пока не стала случайной свидетельницей попытки волка срезать путь традиционно, пробежав сквозь стены. Ну, побежал и с размаху врезался башкой. В эту самую стену.

Он отпрыгнул, очумело помотал головой. Невеоряще посмотрел на непреодолимое препятствие. Попробовал снова, но уже аккуратнo. Не вышло.

После неутомное создание весь день экспериментировало и пыталось проникнуть сквозь двери и стены в разных комнатах. Сначала Этьен от нас прятался, но, поняв, что мы всё равно всё видим, перестал.

Лишь убедившись, что теперь не может, как раньше, пробираться куда ему вздумается, а вынужден, как и все мы, ходить по коридорам и сквозь двери, он утомился. Упорный тип. Проверил сначала абсолютно весь отель.

Закончив свои эксперименты, Этьен явился ко мне. Я в это время сидела в общей гостиной с Леслией и Ориэлем. Мы неспешно беседовали о странностях мироздания.

— Вы что-то хотели, господин Дюфо? — вежливо спросила я у волка, который уселся напротив меня и уставился с осуждением.

На мой вопрос он закатил глаза, всем своим видом изображая недовольство.

— Не понимаю, — не поддалась я.

— Рауль, мы можем помочь? — спросила сильфида.

Тот отрицательно качнул головой. Тяжело вздохнул, снова закатил глаза. Открыл рот и свесил язык набок, изображая... дохлую собаку? Как расшифровать вот это вот?

Мы с интересом наблюдали за его пантомимой.

Снова последовал тяжёлый вздох, адресованный мне. Призрак опять закатил глаза, потом укоризненно взглянул на меня. После чего подошёл вплотную, сел так, что почти наступил мне на туф-

ли передними лапами, и выразительно уставился, гипнотизируя.

— Ничем не могу помочь, — ответила я. — Отныне здесь одинаковые правила перемещения для всех. Вы ведь не единственная бестелесная сущность, которая может оказаться постояльцем отеля.

В ответ — очередной печальный вздох и любопытные взгляды Ориэля и Леслии.

— Я понимаю, господин Дюфо, что вы дух. Для вас нормально быть вездесущим. Но... для меня это неприемлемо. А именно я устанавливаю здесь правила.

Зелёные волчьи глаза округлились. Хотя они и так круглые, но вот как-то смогли.

— И не надо так на меня смотреть. Леслия тоже дух, но она не позволяет себе ничего... такого. А сохраняет телесную форму, находясь среди других существ.

— Агата, прости, что перебиваю, а почему ты называешь Рауля духом? — осторожно поинтересовалась сильфида.

— Потому что он дух.

— Он призрак.

— Он дух.

Волчара переводил взгляд с меня на девушку.

— То есть ты хочешь сказать, что Рауль не призрак волка, а дух?

— Он призрак волка. Но вообще-то дух, — очень понятно объяснила я то, что и так очевидно. — О! О-о-о...

— Агата, ты что-то почерпнула из эфира про Этьена? — оживился цейлин.

— Похоже на то, — призадумалась я. — Но я точно уверена, что он дух. В том смысле, что его расовая принадлежность — дух. Чего-то.

Мы с интересом уставились на объект обсуждения.

Тот прислушивался ко мне и к себе, пытаясь осознать. Пауза была долгой.

— Господин Этьен Рауль Эрнест Дюфо, — вкрадчиво позвала я. — Вы дух чего? И не могли бы немного отодвинуться? Ваша эктоплазма капает мне на юбку.

Мне достался обиженный, но одновременно смущённый взгляд зелёных глазищ.

За столом мы вместе с пришедшим Феликсом обсуждали новые сведения. Никаких разумных выводов не сделали. Хотя гипотез было выдвинуто множество. А вот волк был расстроен и подавлен.

Утром следующего дня я решила, что пора наконец заняться и своими прямыми обязанностями. То, что я помогаю постояльцам с психологическими проблемами, терзаниями и лечением амнезии, всё же ими не являются. А вот находить потерянные души, переноситься к ним и пускать тех на постой — это как раз то, для чего меня наняли. Ну, как бы. М-да.

Учить меня никто не учил. Самоучки же — народ страшный, и действуют они чаще всего по принципу «куда кривая выведет». Итак, куда нас выведет кривая на этот раз?

Покончив с обязательными утренними процедурами и отсидев за завтраком в столовой в ком-

паниии коллег и гостей отеля, я вышла в холл. Постояла в центре, глядя издалека на белый туман за окошком входной двери.

— Ну что ж... — вздохнув, я подняла голову и взглянула на свою бессменную собеседницу — хрустальную люстру. — Время пришло! Поехали!

Куда именно мы «поедем», я не имела ни малейшего представления. Но не сомневалась ни секунды, что сейчас мой внутренний радар куда-то повернётся, на кого-то настроится и вскоре у нас появятся новые постояльцы. Миров не сосчитать... Эфир мне их показал. И в этих мирах так много существ — странных, непонятных, жутких, милых, счастливых и очень несчастных. И последним нужны мы. Я и «Отель потерянных душ».

Боковым зрением видела, как ушёл в направлении своей комнаты Феликс. Он отдежурил ночную смену, наступило время отдыхать. Мелькнула зелёная пушистая шубка Ориэля. Он что-то негромко рассказывал Леслии, ведя её в сторону лазарета. Я не спрашивала, чем они там занимаются, уважая врачебные тайны. Да и вообще личное пространство других.

Стихли звуки и шаги, а я так и стояла в одиночестве, глядя в белый туман. А хотя нет, не в одиночестве. Ко мне подошёл призрак. Несколько мгновений постоял рядом, посмотрев сначала на меня, потом на входную дверь, снова на меня. И уселся рядом, совсем как верный пёс.

Сначала я хотела попросить его уйти, даже повернула к нему голову. Он почуял мой настрой

и явно решил не сдаваться. Видно было, как напряглась его спина. Но потом я передумала. Это общая территория, холл отеля. Хочется ему сидеть и смотреть на входную дверь — пусть.

Так мы и ждали неведомо чего.

А потом я почувствовала зов, если можно так назвать это тянущее сосущее ощущение и беспокойство. Следом пришло понимание, что мы сейчас увидим.

Война...

Здесь шла война. Сколько месяцев? Нет, не месяцев, лет. Последние десять лет здесь шла война. Одни разумные убивали других разумных за их... инаковость. Как это знакомо.

Не того цвета кожа, не тот разрез глаз, не та форма черепа, не той длины уши.

Этот мир стал одним из многих, где разные народы не смогли смириться с отличием друг от друга.

Стоя на пороге распахнутой двери, я смотрела на изрытую ранами от взрывов землю. На разрушенный город на горизонте. Обычный такой средневековый, по моим меркам, город с замком и высокими шпилями храмов и, возможно, ратуши. Не хочу получать лишнюю информацию. Могу, но не хочу.

Земля скорбела и оплакивала своих детей. Вчера здесь была битва. Убрать мёртвых было некому. Переводя взгляд с одного изломанного, изувеченного, обгорелого трупа с отсутствующими конечностями на другой, не менее страшный, я старалась не завопить от ужаса.

Это были гуманоиды. Похожие на нас существа. Четыре конечности, голова, волосы на ней... Но всё же не совсем люди. Точнее, совсем не люди. Я не встречала в фэнтези аналогов этих народов. Одни ближе всего, наверное, к эльфам. Но я даже названия их расы никогда ранее не слышала. Диззárги — светловолосые, с серебристой кожей.

И их противники, дошáны — чернокожие и огненно-рыжие.

Этот мир стenal от горя и щедро вываливал на меня сведения о каждом из погибших. А я не могла закрыться, не хватало сил и умений. И мне становились известны их имена, возраст, судьба. То, что вот этот парнишка диззарг был помолвлен, но его невеста уже год как мертва. Теперь и он.

А вон тот чернокожий мужчина с некогда ярко-рыжей, а сейчас совсем седой шевелюрой — был отцом большого семейства. Нет давно уже того семейства, и его самого больше нет.

Тела, тела, тела. Судьбы, истории, драмы. Прошое и несостоявшееся будущее.

Это так страшно...

Не сразу я поняла, что меня кто-то трогает за пальцы опущенной правой руки. Сморгнула пелену слёз, опустила глаза и поняла, что я стою и молча плачу. А в руку мне тычется носом волк, ставший осязаемым.

У меня вырвалось рыдание. Зажала левой рукой рот, чтобы не закричать.

Ведь раз я здесь, значит, есть на этом поле и живые, нуждающиеся в покое и отдыхе. Или не ушедшие на покой потерянные души.

— Мне... туда... — сглатывая ком в горле, выдавила я.

Да, меня тянуло туда, в сторону города.

Страшно ли мне было? Дико!

Нет, я не боялась за себя. Источающий скорбь эфир уже сообщил, что мне не причинят вреда. Но легко ли это — идти по перепаханной битвой земле, обходить и перешагивать через трупы?

Не представляю, почему я ещё не валяюсь в глубоком обмороке. Я бывала на похоронах, видела умерших, но... не так.

Я шла, смаргивала непрекращающиеся слёзы, сглатывала свой ужас. Будь я одна, наверное, вообще визжала бы от страха. Но Рауль меня не бросил. Мы шагали с ним вдвоём через это жуткое поле битвы.

Волк оставался осязаемым. Грязь, копоть и кровь, впитавшаяся в землю, пачкали его белую шерсть и мои светлые туфли и брюки.

Меня же манил невидимый маячок, чётко подсказывающий направление. Наконец я почувствовала, что мы добрались. Но...

Здесь тела были навалены друг на друга. Курган из мертвецов. То ли они нападали на кого-то, а это существо оборонялось, и на место одних нападавших приходили другие. То ли группа защищала кого-то одного...

Да, последнее, поняла я, прислушавшись к эфиру. И этот кто-то, кого защищали, — жив, он там, под всеми этими трупами.

— Там есть пока что живой диззарг. Его нужно достать, — скупо сообщила я своему спутнику.

Вытерла рукавом слёзы. Откашлялась. Я должна...

Меня никто не предупредил, что такое возможно. И мне безумно страшно. Но придётся.

Можно, конечно, вернуться в отель. Позвать на помощь Ориэля и Леслию. Или даже разбудить Феликса. Но...

Вдвоём с волком мы оттащивали трупы, чтобы добраться до того, кто под ними.

Скажу честно. Без помощи Рауля я бы не справилась. Ни морально, ни физически. Он был со мной, внушая хоть и шаткую, но уверенность в себе. Держался рядом, когда мы вдвоём отволакивали особо крупные и тяжёлые тела. Не отходил далеко, даже когда каждый из нас по отдельности пытался делать это.

Конечно же, у меня было намного меньше сил, чем у огромного зверя. Его временная осязаемость пришлась очень кстати.

Мы оба перемазались с головы до пят. У меня уже тряслись от усталости руки и ноги, когда я поняла, что именно вот этого высокого крупного диззарга мне и нужно было отыскать.

Попыталась прощупать у мужчины пульс. Но то ли он не пробивался, то ли я просто не умею это делать. Тогда я положила ладонь ему на грудь

слева, прямо рядом со страшной раной. Сердце ведь должно биться?

Не билось. Но я точно знаю, что он жив. И что делать?

— Рауль, мне нужно доставить этого мужчину в отель. Он наш клиент, — убирая со лба волосы, обратилась я к своему помощнику. — Ты сможешь мне помочь?

Волк обошёл вокруг, прикидывая что-то. После кивнул.

И в этот момент раненый очнулся. Открыл глаза, с трудом сфокусировался на мне, мелькнуло лёгкое удивление и облегчение в серых, ртутного цвета глазах. Но тут его взгляд скользнул выше, на мои рыжие волосы. Лицо диззарга исказили ярость и ненависть, и не успела я опомниться, как он выбросил вверх руку, вцепился мне в горло и принялся душить.

Приехали.

Что-то я зачастила умирать...

Ну что я могу сказать? Когда тебя сопровождает огромный волк, который на твоей стороне, это хорошо. Рык на грани восприятия человеческим ухом, клцанье зубов, вскрик, и с моей шеи исчезли стальные пальцы.

Опущу те минуты, когда я жадно глотала воздух, кашляла и пыталась снова начать дышать. Вот и поможай всяким... умирающим.

Ой-ой! А клиент-то наш сейчас того...

Диззарг снова был без сознания, а к его ранениям добавилась погрызенная рука.

— Рауль, надо его тащить, иначе он сейчас умрёт. А именно этот чел... диззарг важен для данного мира. Будет важен, потом. Сейчас я должна ему помочь, — сипло проговорила я и встала.

Дальше мне пришлось взваливать тяжеленное бессознательное тело на волка, и тот медленно побрёл к отелю. Я шла рядом и придерживала норвящего свалиться раненого.

А работа управляющей волшебного отеля не так-то и проста. И преподносит всё больше сюрпризов.

Обратный путь прошёл как-то вне моего сознания и восприятия времени. Мы просто долго и утомительно брели на автопилоте, обходя погибших, перебираясь через груды земли. Что здесь было? Бомбёжка? Ах, не совсем? Драконы и маги с взрывающимися магическими снарядами. Та же смерть, только иначе называется. Магические бомбы, если угодно. А вместо истребителей и бомбардировщиков крылатые огромные рептилии.

Миры разные, народы разные, проблемы разные — итог один и тот же.

— Рауль, сгружай его на крыльцо, — вытирая тыльной стороной ладони лоб, велела я и устало привалилась к перилам.

Волк вопросительно глянул на меня, мотнул головой в сторону входной двери. Мол, а не втащить ли найдёныша внутрь?

— Нет, нельзя. Давай его сюда, на доски, уложим. И нужно позвать Ориэля, тут для него много работы.

Сгружали мы диззарга не слишком бережно, каюсь. На это просто не осталось сил. Не знаю, испытывает ли усталость существо, периодически становящееся эктоплазмой, а у меня ноги подкашивались.

— Сможешь позвать нашего целителя? — спросила я чумазого, словно чёрт, волка. Он всё ещё оставался материальным и находился рядом.

Тот кивнул, и я добрела до двери, открыла её, пропуская моего помощника внутрь.

Сама шагнула в сторону, опустила прямо на крыльцо, оперлась спиной о внешнюю стену отеля и вытянула ноги. Всё. Меня не кантовать. Не осталось энергии ни душевной, ни физической.

Спустя пару минут послышались из холла быстрый топот цейлина и стук каблучков сильфиды.

— Агата! — выскочил наружу Ориэль. — Что случилось?! Почему?.. О боги! — увидел он поле битвы, расстилающееся перед отелем. — Боги всемогущие!

— Великие ветры! — выдохнула выбежавшая следом Леслия.

Волк ведь не разговаривает, они не знали, чего ожидать. Ну вот. Умеем мы удивлять с отелем.

— Ориэль, — позвала я.

Маленький зелёный пушистик подпрыгнул от неожиданности, обернулся и только тогда увидел меня, подпирающую стену.

— Ты ранена?!

— Нет, — устало улыбнулась я и указала подбородком на нашу с Раулем находку. — Но вот он ско-

ро умрёт, если ты ему не поможешь. Немедленно. Прямо здесь, внутрь не заносим. Так надо.

— Понял! — кивнул Ориэль и собрался.

Дальше он сосредоточенно выполнял свою работу. Озвучивал, что ему необходимо, и тут же рядом появлялись вода, полотенца, инструменты, лекарства, неведомые мне магические приспособления и эссенции. Леслия вызвалась помочь и чётко выполняла короткие приказы целителя: подай-зажми-режь-лей-держи.

То, что найденного крупного мужчину пришлось раздеть донага, чтобы добраться до его колотых, резаных, рваных ран на всём теле, девушку не смущало. Меня, если честно, тоже. Что я, голых мужиков, что ли, никогда не видела?

Но смотреть на реанимационные и хирургические процедуры я не хотела, поэтому уставилась в никуда, в даль, на город в руинах.

Волк сначала постоял рядом с Ориэлем и Леслией. Но помочь им он никак не мог. Поэтому подошёл ко мне и уселся рядом. Вздыхнул скорбно. Когда не можешь говорить, единственный способ донести свои чувства — вздохнуть. Делал это наш господин Дюфо часто и выразительно, умудряясь окрашивать сие разнообразными эмоциями.

— Спасибо, — негромко сказала я ему. — Ты не обязан был мне помогать. Но помог. Мир?

Грязный до безобразия огромный белый зверь в очередной раз испустил тяжёлый вздох, лизнул

меня в щеку, после чего улёгся рядом, положив морду на вытянутые передние лапы.

Я погладила его по загривку, да так и не стала убирать руку.

Вот так мы и отдыхали. Долго. Пока Ориэль зашивал и вытаскивал из-за грани раненого диззарга. Последнего императора этого мира. Того, кто пытался избежать войны, но не смог.

У него ещё много дел. Он не имеет права умирать и не может позволить себе даже ненадолго уйти из своего мира и отдохнуть в нашем отеле, хотя его душа именно такая, потерянная. Поэтому мы пришли к нему, чтобы помочь, спасти. А потом снова отправиться в свой путь к другим нуждающимся в нас. Тем, кто в состоянии позволить себе роскошь провести несколько дней в спокойном месте. Такое счастье дано не всем.

Эфир этого мира был доволен, что я успела. Он уже не захлёстывал меня информацией, но рассказывал. Как тот, кто бесконечно рад, что успел позвать на помощь и тем самым спасти своё дитя, и сейчас просто вёл беседу.

Это странно, конечно. Беседовать с миром? С эфиром? Просто я не могу подобрать другое определение нашему одностороннему общению.

Глава 4

ПРОЩАНИЕ С ПОГИБШИМИ

— Кто ты, неведомое создание? — прозвучал хриплый вопрос.

— Лекарь, — коротко ответил Ориэль. — Лежите и не шевелитесь! Я зашил ваши раны, но их слишком много, я не могу залечить сразу все.

— Ты не наш, — спустя пару секунд задумчиво произнёс диззарг. — И ты, прекрасная воздушная дева. Вы — создания не нашего мира.

— Всё верно, — прощebetала Леслия. — Не шевелитесь, пожалуйста. Мы пытаемся спасти вам жизнь.

— Хорошо. Где... она? Та дева с белым зверем? Она жива? Где она?

— Неподдалёку, — спокойно ответил цейлин, но даже головы не повернул в мою сторону. — Вы что-то хотели от неё?

— Она спасла меня. Та девушка с белой кожей и солнечными волосами. Она спасла меня, а я едва не убил её. Я должен искупить вину перед ней.

— Хорошо, но чуть попозже. Потерпите, мне нужно залечить внутренние разрывы.

— Кто она? Скажи мне ты, светлый дух.

— А как вы узнали, что я дух? — полюбобытствовала Леслия. — Ориэль, я держу, не отвлекайся.

— Вижу. Диззарги видят суть. Ты — воздух. Она — плоть и кровь. Я едва не уничтожил её плоть.

— Лежать! — повысил голос целитель. — Леслиа, нажми сильнее.

— Где она?

— Я здесь, рядом, — подала я голос, не пытаюсь, впрочем, встать и подойти. — Дайте целителю закончить его работу. Не зря же мы откапывали вас из-под завалов мертвецов и волокли сюда.

С великомученическим вздохом Ориэль чуть сдвинулся. Так, чтобы раненый смог увидеть меня и волка. Тот потихоньку терял плотность, будто истаивая под моей рукой. Исчезала и грязь с его шкуры. Призрак снова становился белоснежным и... прозрачным.

— Жива. Устала. Больно, — прошёлся по мне взглядом ртутных глаз мужчина. — Прости, дева. Дух, ты молодец, что спас свою женщину. — Это уже было адресовано Раулю.

У меня дёрнулось веко. Вот только женщиной дүхов меня ещё не называли. Призрак волка же отреагировал... никак. Даже не моргнул, просто лежал и смотрел вперёд.

— Кто ты? Как твоё имя? — снова обратился ко мне диззарг.

— Агата Серебрякова. Я управляющая этого гостевого дома для потерянных душ. И ещё я проводница эфира. Ваш мир позвал меня, чтобы я спасла вас, — спокойно поведала я.

— Я не могу уйти.

— Мне это известно. Эфир рассказал, кто вы и что случилось. Я всё знаю.

— Никто не знает всё.

Я попыталась улыбнуться. Не вышло.

— Зачем ты спасла меня?

Император смотрел на меня внимательно, испытующе. Словно ждал, что я назову цену за свою помощь.

— Ваш мир позвал. Я пришла, — просто повторила я, не оправдав его надежд на какое-то иное объяснение.

Леслия и Ориэль не мешали нашей беседе. Маленький целитель сосредоточенно лечил, то касаясь ран, то вода ручками над кожей. Сильфида следила за его действиями и придерживала иногда вздрагивающего от боли раненого.

— Что ты хочешь за свою помощь, Агата Серебрякова? Ты пришла не одна. Что вы все хотите за моё спасение? — Смотрел при этом император только на меня, словно признав старшей над остальными.

— Ничего. Но ваш мир хочет, чтобы вы остановили войну. Когда целитель закончит с вашими ранами, я передам послание.

— Как?

— Я же сказала, я слышу эфир. И могу проводить информацию.

— Такие, как ты, исчезли давно, — устало обронил диззарг и прикрыл глаза.

Спустя час мы сидели тут же, на крыльце, и ели. Император отказался входить под крышу, боясь, что неведомая магия унесёт его прочь. Мои увере-

ния, что я не позволю этого, он предпочёл не услышать. Ну а я не стала настаивать. Пришлось выдать ему простыню, которую он накрутил на себя на манер древнеримской тоги, и так и сидел на крыльце.

Ориэль страшно устал, выложившись по максимуму на лечение. Он понуро притулился у стеночки ипил какой-то энергетический коктейль, который заказал у отеля. Для диззарга я заказала целую гору сытной горячей мясной еды, но только после того, как целитель подтвердил, что можно. А то мало ли? Обычно после полостных операций есть не разрешают. Но тут иной случай, так что я полностью положились на цейлина. Как он сказал, так и надо.

Император ел аккуратно, хотя быстро. Видно было, что он ужасно голоден, но воспитание... Лесли пила свой любимый жидкий кислород и помалкивала, поглядывая на нас всех по очереди.

Волк, снова ставший полностью неосязаемым, не отходил от меня. Сидел за плечом, словно охрана. Диззарг периодически смотрел на него оценивающе, но ничего не говорил.

Я тоже неторопливо поглощала лёгкие закуски и запивала красным сухим вином. Мне надо. Предложила этот напиток императору, тот попробовал, но не оценил. Спросил, нет ли более крепкого алкоголя, и тут же получил от отеля целый графин густого фиолетового чего-то. Вероятно, какой-то местный продукт.

Наконец с трапезой было покончено. Оттягивать разговор дальше не представлялось возможным. Да и к тому же я хотела обратиться отсюда. Мы сделали

невозможное, вернули этого мужчину практически с того света. Я не могу и не хочу больше находиться в этой братской могиле, расстилающейся вокруг нас.

А кстати!

— Эти тела... — указала я подбородком на поле брани. — Их некому похоронить? Но так оставлять нехорошо, да?

— Я вознесу молитвы, светило дневное заберёт своих сынов. Светило ночное упокоит своих, — спокойно ответил император.

Эфир сообщил мне его имя, но сам мужчина не представлялся, и я сочла, что раз не хочет, то и не надо произносить его вслух.

— Светила заберут? — озадаченно уточнила Леслиа. — Как так?

— Диззарги — дети светила ночи. Дошаны, чья кожа чёрна́, а волосы о́гненны, — дети дневного светила, — ровно пояснил он.

— И те и другие — дети этого мира, — негромко обронила я. — И он недоволен вами. Вы почти разрушили всё.

Ответом мне была тяжёлая тишина.

— Если вы готовы, последний император этого мира, то я передам вам послание.

Я протянула открытую ладонь.

— Я готов! — Моя ладошка утонула в его руке.

— Смотрите и слушайте, — просто сказала я и открыла сознание.

В прошлый раз, когда я проводила через себя информацию для господина Э, демона одного

из множества миров, всё было иначе. Мы искали что-то конкретное, отсеивая ненужное. Сейчас же я уже чётко знала от эфира, что именно нужно передать.

Всё, что касалось войны и мира. Как всё было когда-то давно, почему случилась беда, что может спасти ситуацию. Я показывала возможные варианты развития событий. Вероятно, ситуация здесь была настолько удручающей, что миру пришлось не просто вмешаться, но и взять на себя роль оракула и провидца. Он демонстрировал возможные исходы при различных действиях, которые может предпринять император. Бóльшая часть их была ещё ужаснее и трагичнее, чем то, что происходило сейчас. Но были и благоприятные варианты разрешения давнего конфликта между народами, если... И вот на одно из этих «если» и должен решиться мой визави.

Спустя некоторое время мы закончили. Я сидела и безмолвно смотрела на глубоко задумавшегося мужчину. Он всё увидел, услышал, принял и осознал. Ему надлежит решить, что он выберет и как поступит.

— Скажи мне, дева, чья кожа бела, как у дочери ночного светила, а волосы рыжие, как у дочери светила дня... — начал он издалека.

— Да?

— Я диззарг и вижу суть. Твои волосы были светлыми. Цвет их сменился на оттенок огня не по твоей воле и выбору.

— Д-да, — с запинкой ответила и посмотрела на перекинутые на грудь пряди.

— Что изменилось?

— В смысле? — растерялась я. Он вообще о чём? Что может измениться от того, что я перестала быть русоволосой, а стала огненно-рыжей?

— Твой характер изменился? Ты стала ненавидеть ночь и любить день? К тебе пришли иные привычки?

— Да с чего бы вдруг? — озадаченно моргнула я. — Это ведь всего лишь цвет волос. Я, конечно, не выбирала его. С одним родилась, а нынешний, скажем так, одно из последствий моей работы и контакта с... гм... волшебной субстанцией. Но я-то — та же самая, какой была всю свою сознательную жизнь.

— Тебя не удивляет и не отталкивает, что моя кожа серебристая, твоя белая, у этой дочери ветра иной оттенок и волосы золотистые?

Я глянула на Леслию. Она же принялась разглядывать свою руку. У неё и правда тон кожи иной, чем у меня. Намного более тёплый, я-то совсем белокожая, типичная восточная славянка.

Обдумав прозвучавшие вопросы, я, кажется, поняла, что именно хотел, но не мог внятно сформулировать император погибающего мира.

— На моей планете живут разные народы. Такие, как я, с белой кожей. С кожей красного и жёлтого оттенка. С тёмно-коричневой и чёрной, золотистой и... бежевой, — с трудом подобрала я аналог для цвета «кофе с молоком». — У нас разные глаза и во-

лосы. Отличаются фигуры, строение скелета, уши, носы, брови, формы черепа и разрез глаз. Среди нас есть худые и толстые, низкие и высокие, тонкокостные и крепкие, изящные и мощные, словно вековые деревья. Но мы все люди, все живём в одном огромном мире. И да, конечно же, у нас тоже случаются войны. И мы также не единожды едва не уничтожили свой большой дом. Но если бы вдруг кто-то смог бы примирить и не допустить подобных войн в будущем — это было бы здорово и здорово для всех.

— Но ты сама не меняешься, когда трансформируются твоё тело и волосы? — настойчиво уточнил диззарг.

— Я — нет.

— Если бы твой мужчина был иной расы и ребёнок родился смеском? Взяв от вас обоих разное, присущее именно вашим народам?

— Ну и что? Он ведь всё равно был бы нашим ребёнком. И раз уж я выбрала его отца своим мужчиной, то всё в порядке. Главное, чтобы малыш был здоров и наследие предков было генетически совместимо.

— Хорошо, — медленно кивнул он.

Мы ещё посидели, помолчали.

— Что ж, существа иных миров. Мне пора. Дневное светило скоро покинет небосклон, я должен вознести молитву, чтобы оно забрало тела своих детей. После я обращусь к светилу ночи. Но сначала хочу отблагодарить вас всех, — обвёл нас уставшим, но решительным взглядом диззарг.

— Спасибо, нам ничего не нужно, — покачала я головой.

— Мы не ради награды, — закивал Ориэль.

Маленький цейлин настолько устал, что с момента, как прекратил лечение, не проронил ни звука. Просто тихонечко сидел в сторонке и отдыхал.

— Я знаю. Но мне решать, — чуть дрогнули уголки губ нашего гостя. — Госпожа Агата, моя спасительница. Проводница эфира. Я никогда не забуду тебя. Благодарю. Дочь ветра, спасибо. Неведомое мне маленькое существо, коего не должно существовать, но существует. Великий целитель. Я дарую вам троим благодать ночного светила. Где бы вы ни были, в каком бы мире ни оказались, светило ночи всегда будет вам благоволить и помогать. Только попросите, и оно придёт вам на помощь. Осветит путь или скроет от недоброжелателей, пустит указующий дорогу лучик во тьме, утешит или даст сил.

— О-о... — протянула я. В магии я ничего не понимаю, но если неведомым образом луна сможет пускать путеводный луч и указывать дорогу, то это же отлично! Не откажусь от такой волшебной плюшки. — Спасибо! Я с радостью принимаю ваш дар.

— Благодарю, — церемонно склонила голову Леслия.

— Я признателен, спасибо, — улыбнулся Ориэль и бросил быстрый взгляд на небо, где местное солнце катилось к горизонту.

— Тебе же, дух, я дарую своё благословение, — перевёл взор на призрака диззарг. — Ты не нуж-

даешься в помощи ночи и её светила. Подойди ко мне.

Волк слушал нахохлившись, словно ожидая подвоха. Но всё же поднялся, медленно приблизился и замер напротив.

Они стояли, глядя друг на друга: огромный призрачный зверь и высокий мужчина с серебристой кожей. Зелёные звериные глаза смотрели в серебристо-ртутные гуманоидные. Не было произнесено ни слова, но казалось, что идёт безмолвный диалог. Может, так и было. Кто знает, на что они оба способны.

— Да будет так! — простёр дizzарг руку над головой призрака. И того окутало светлое лёгкое сияние, словно облачком укрыв.

Когда проявление магии исчезло, волк кивнул, поблагодарив, и вернулся ко мне.

После мы наблюдали за упокоением погибших. И ничего более странного я в своей жизни ещё не видела.

Император спустился с крыльца, поправил простыню, служившую ему одеянием, и повернулся к полю битвы. А потом воздел руки к небу, поднял голову и начал... петь. Нечто вроде псалмов перемежалось с речитативом, сменялось горловым пением. Короче, это было крайне необычно.

Но самое удивительное, что солнце будто услышало, поняло и пришло на этот зов.

Багровые лучи уходящего на ночной покой местного солнца стали длиннее, насыщеннее,

жарче и тяжелее. Они устремились к мертвецам, и те стали исчезать. Этот невероятный багряный солнечный свет словно слизывал их и растворял. Исчезали тела чернокожих рыжеволосых покойников. Дневное светило забирало детей своих, дошапов. Оставались их одежда, личные вещи и оружие.

Не прошло и пятнадцати минут, и на всём этом огромном поле остались лишь погибшие диззарги.

Наша маленькая, но дружная группа следила за происходящим, не сходя с крыльца отеля. Император же продолжал свои воззвания и мольбы.

А потом солнце будто в колодец ухнуло. Так бывает в горах: только что ещё был яркий свет и вот уже темнота, словно освещение резко выключили. Луна этого мира уже была на небе, просто мы не замечали её при багровых закатных лучах. Но вот она уже полновластная хозяйка ночи.

И новая, иная по звучанию песня-молебен императора. И уже лунный белесый свет слизывал и растворял тела покойников с серебристой кожей.

Жуть полнейшая, если честно.

Но всё закончилось, поле опустело... Почти опустело. Остались лишь одежда, обувь, доспехи, оружие, какие-то личные вещи.

Единственный живой представитель этого мира на многие километры вокруг повернулся к нам. Прижал к груди правый кулак, после чего выбросил руку вперёд с открытой ладонью, в точно таком же салюте и приветствии, как это делали древние римляне. Надо же... Иные времена, эпохи, культуры,

народы и миры, а жест добрых намерений, открытого сердца и отсутствия оружия аналогичен.

Я повторила его жест. Мир подсказал, что это действительно салют равных.

Ориэль и Леслиа быстро повторили за мной, решив, что я знаю, что делаю. Волк просто склонил башку.

А император начал растворяться в лунном свете, истаивая прямо на наших глазах.

— Он что?! — опешил Ориэль. — Исчез как трупы?! Я зря его лечил?!

— Нет, он ушёл. Это их волшебство. Магия диззаргов, — глядя на то место, где только что стоял мужчина, остававшийся величественным даже укутанным в простыню, пояснила я.

— Невероятно! — выдохнул цейлин и прижал ручки к груди.

— Не то слово, — хмыкнула я. — Пойдёмте в отель, нам пора. Ориэль, когда полностью восстановишься, синяки мне убери, пожалуйста. Это не к спеху, можно завтра. И скажи, если мы можем чем-то тебе поспособствовать, то... Энергия? Сила? Какая-то иная помощь?

— Нет, ничего не нужно. Сон, еда, витамины и покой. Цейлины быстро восстанавливаются, нас такими создали, — смущённо улыбнулся наш чудесный зелёный барабашка.

Мы вошли в холл. Я заперла входную дверь, молча постояла с минуту, глядя на то, как исчезает в дымке этот несчастный край. За стенами отеля